

Чжоу Цзюнь неуклюже забрался в окно. Он уже некоторое время терял кровь, и голова его кружилась. Сейчас он лишь держался из последних сил, подкрепляемый своей непоколебимой верой. Медленно приблизившись к Юн Цзиню, он достал из-за пазухи розу. Нежный цветок, пролежавший у него на груди, уже потерял несколько лепестков. Он положил эту, что уже трудно было назвать красивой, розу на подушку рядом с Юн Цзинем и, наклонившись, мягко поцеловал его в щеку.

Чжоу Цзюнь поцеловал его с благоговением, шепча:

— Проснись, моя любовь.

Щека под его губами постепенно нагревалась, а губы нежно скользили по коже, лаская лицо Юн Цзиня. Он заметил, как лицо Юн Цзиня покраснело на глазах, и понял, что тот, вероятно, притворялся спящим. Юн Цзинь, видимо, понял, что его уловка раскрыта, и открыл глаза.

В его зрачках отражался он сам, и Чжоу Цзюнь смутно подумал, что действительно устал. Ему так хотелось в этой теплой комнате обнять теплое тело и уснуть. Аромат розы, донесшийся до Юн Цзиня, смешался с запахом крови и пороха на его пальцах. Он смотрел на своего юного господина, чье лицо казалось бледным, а взгляд полон нежности, когда тот лежал рядом с его подушкой, медленно массируя его мочку уха.

Юн Цзинь схватил его за запястье и внимательно осмотрел. На правой руке были мелкие ранки, разбросанные повсюду. Чжоу Цзюнь был настолько измотан, что даже не расслышал, что Юн Цзинь ему сказал. Он лишь мягко опустил руку, пытаясь забраться на кровать и уснуть, но так и не смог. Он уснул раньше, чем успел подняться, пропустив момент, когда лицо Юн Цзиня исказилось от гнева, и тот схватил телефон, чтобы устроить громкий разнос.

Ему снова приснился сон, короткий и длинный одновременно. Во сне он, пьяный, шел через двор, усыпанный алыми розами, шагая по мягкому лунному свету, и держал чью-то руку. Рука крепко сжимала его, и он чувствовал, что тот человек был недоволен. Сны не имеют логики, он не видел лица того человека, но знал, что тот был расстроен. Поднялся ветер, и весь сад наполнился ароматом. Он сказал, что луна прекрасна, и его спутник тоже.

Тот человек сдержанно произнес:

— Я не женщина.

Голос был знакомым, но во сне он не мог вспомнить, чей это был голос. Возможно, из-за сна он стал дерзким и смелым:

— Но я хочу быть с тобой.

Он был пьян, и его мысли путались:

— Но ведь вместе могут быть только мужчина и женщина.

Затем его руку отпустили, и тот человек сказал:

— Кто сказал, что я хочу быть с тобой?

Чжоу Цзюнь застыл на месте. Ему казалось, что слова того человека имели смысл. Если тот не женщина, как они могут быть вместе? Но он так сильно любил его, почему он не женщина? Что делать, что делать? Его сердце билось так быстро, что стало немного болеть. Тот человек

спокойно стоял неподалеку, словно наблюдая за ним. Внезапно Чжоу Цзюнь вскрикнул, словно его осенило, и бросился вперед, уговаривая:

— Если ты не хочешь, ничего страшного. Я буду твоей женщиной.

Эти слова заставили даже его, с его затуманенным сознанием, покраснеть. Он услышал, как тот человек тихо засмеялся:

— Бред.

Слова были резкими, но тон мягким. Чжоу Цзюнь с улыбкой снова взял его за руку, погладил не слишком мягкие пальцы и поднес их к губам, чтобы поцеловать.

Он внезапно проснулся, чувствуя жгучую боль в ноге. Он открыл глаза, тяжело дыша, и увидел, что люстра на потолке была незнакомой. Он закрыл и открыл глаза, и воспоминания постепенно вернулись. Он потерял сознание у постели Юн Цзиня, принеся тому цветы. Боль в ноге не утихала, и он слегка приподнял голову, чтобы посмотреть вниз.

Юн Цзинь склонился над его раной на бедре. Его брюки были разрезаны, и Юн Цзинь с помощью пинцета вытаскивал осколки стекла. Рана выглядела ужасно, и Чжоу Цзюнь не мог смотреть на нее. Юн Цзинь, казалось, о чем-то задумался, хмурясь на рану, словно в замешательстве, не двигаясь, лишь опустив свои длинные ресницы.

В голове Чжоу Цзюня мелькнула абсурдная мысль: а не плачет ли Юн Цзинь? Но нет, Юн Цзинь лишь на мгновение замер, а затем продолжил обрабатывать его рану, и он не почувствовал тепла слез на своей ноге. Без причины Чжоу Цзюнь почувствовал разочарование. Он уже хотел расслабить шею и лечь обратно, но услышал, как Юн Цзинь тихо вздохнул.

Он увидел, как этот мужчина склонился и поцеловал его рану. Поцелуй был легким, и боли он не почувствовал.

Чжоу Цзюнь ждал, когда тот посмотрит на него. Юн Цзинь, словно очнувшись, поднял глаза, и их взгляды встретились, словно две струи воды, сливаясь в одну, переплетаясь и становясь неразделимыми. Один лишь взгляд заставил Чжоу Цзюня первым отвести глаза, и он снова лег.

Он лежал на мягкой подушке из гусиного пуха, а в ушах звенели стеклянные флаконы, сталкивающиеся друг с другом, звук был приятным. Подвески хрустальной люстры, словно калейдоскоп, вбирали в себя все цвета комнаты, скупно выпуская лишь крошечные блики света. Юн Цзинь пошевелился, его рука протянулась и коснулась лица Чжоу Цзюня. Но он не решался прикоснуться к его коже, боясь задеть его раны.

Чжоу Цзюнь схватил его руку и прижал свою щеку к его ладони, тихо сказав:

— Не так уж больно.

Дыхание Юн Цзиня стало тяжелее, и Чжоу Цзюнь посмотрел на его нахмуренные брови и сжатые челюсти. Он не смог удержаться и провел рукой по волосам Юн Цзиня, словно утешая ребенка. Он касался его волос много раз, они были мягкими и послушно лежали в его ладони, совсем не такими, как сам Юн Цзинь.

Юн Цзинь, закончив обрабатывать его рану, забрался на кровать и обнял его с другой стороны, не задев раны. Без всякой причины ему показалось, что Юн Цзинь выглядел обиженным. И в

его душе было странное чувство, будто он действительно что-то ему задолжал, и он хотел поцеловать этого человека рядом. Юн Цзинь поднял руку, взял что-то с подноса на тумбочке и положил ему в рот.

Это был финик, сладкая мякоть с хрустящей кожурой. Теперь его рот был полон сладости, а Юн Цзинь тихо сказал, что на кухне готовят питательный бульон, который скоро принесут, а пока пусть съест финик, чтобы немного подкрепиться.

Чжоу Цзюнь, играя языком с косточкой финика, чувствовал себя немного смешно. У него были лишь поверхностные раны, а Юн Цзинь, служивший в армии, должен был видеть куда более серьезные вещи. Но его осторожность только размягчала сердце Чжоу Цзюня. Он первым признал свою вину:

— Утром я сказал что-то не то, не прощай меня. Посмотри на меня сейчас, в таком жалком состоянии. Это моя кара. Позволь мне понервничать несколько дней, поругай меня как следует, а потом снова будь со мной, хорошо?

Эти слова были полны неискренности. Этот мужчина все делал нарочно. Он намеренно пришел с ранами, чтобы вызвать жалость у Юн Цзиня. И чем больше тот будет переживать, тем меньше будет помнить о его ошибках. Юн Цзинь, услышав это, был и раздражен, и развеселен. Этот молодой господин держал его в руках, переворачивая с ног на голову.

Он выпрямился, опершись на изголовье кровати, не сказав ни «да», ни «нет», но на его лице уже не было и следа той нежности, с которой он тайно поцеловал рану Чжоу Цзюня. Молодой господин все еще лежал на подушке, широко раскрыв глаза. Его зрачки стали чисто голубыми, как будто всякий раз, когда он что-то просил, он становился еще красивее.

Юн Цзинь, с мрачным лицом, не ответил ему. Чжоу Цзюнь нахмурился и осторожно сжал пальцы Юн Цзиня, поглаживая их. Он вспомнил сцену из своего сна и, словно шутя или просто чтобы завязать разговор, рассказал о его содержании. Но, произнеся это, он тут же пожалел. Объект его сна был неизвестен, и это был другой мужчина.

Он, должно быть, потерял слишком много крови, и его голова была не в порядке. Эта тема была совсем неуместной. Кто бы мог подумать, что Юн Цзинь несколько не разозлится, и даже уголки его губ слегка приподнимутся. Он поднял глаза на Юн Цзиня, удивленный. Но Юн Цзинь прикрыл его глаза рукой:

— Откуда ты знаешь, что это был сон?

Чжоу Цзюнь намеренно моргнул, касаясь ресницами ладони генерал-майора. Он сказал:

— Конечно, это был сон, иначе я бы не сказал таких глупостей.

Но едва он это произнес, как Юн Цзинь убрал руку, и Чжоу Цзюнь увидел, что улыбка с лица генерал-майора исчезла. Юн Цзинь откинул одеяло и лег, но повернулся к нему спиной:

— Спи уже.

Чжоу Цзюнь в душе ворчал, что мысли генерал-майора были как погода в июне — переменчивы, как лицо ребенка.

Он потер виски, и его взгляд остановился на одном месте. Роза, которую он принес, была не очень красивой, и несколько лепестков уже опали, но ее поставили в изысканную и дорогую

фарфоровую вазу. Это выглядело несоответствующим, но Чжоу Цзюнь слегка улыбнулся.

<http://bllate.org/book/16825/1547352>